КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го іюня | № 12. | 1868 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ

о преосвященномъ Павлѣ, митрополитѣ тобольскомъ. *)

Изъ вѣдомостей о монашествующихъ Кіево-печерскія Лавры, открывается, что преосвященный Павелъ былъ родомъ изъ польскаго города Самбора, мѣщанскій сынъ, по фамиліи Конюскевичъ, родился въ 1705 году; обучался въ кіевской духовной академіи; въ 1733 г. постриженъ въ лаврѣ архимандр. Романомъ; въ 1734 г. декабря 5 дня, архіепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ рукоположенъ во іеродіакона,— и въ это время находился при академіи учителемъ піитики; въ 1740 году, генваря 1 дня, будучи посвященъ тѣмъ же архіепископомъ во іеромонаха, Павелъ отправился съ архимандритомъ лавры, Тимоѳеемъ Щербацкимъ, въ С.-Петербургъ, въ должности дорожнаго

*) Нетлѣнно почивающемъ въ усыпальницѣ кіево-печерскія лавры, въ склепѣ сѣвернаго придѣла великія церкви.

шафира или распорядителя, при чемъ выдана была ему изъ собора шнуровая книга за подписомъ и печатью архіепископа,—въ ней заключается много любопытныхъ статей о расходахъ, употребленныхъ во время дороги въ С.-Петербургъ. Въ 1741 году онъ отправился въ Москву, въ должности проповѣдника при тамошней славяно-греко-россійской академіи, въ каковой должности находился до 1743 года [1]; въ семъ же году, по указу отъ 25 іюня, вытребованъ въ Новгородъ, для производства въ архимандрита,—на первое открывшееся въ епархіи праздное мѣсто. Въ 1744 году, февраля 8 дня, произведенъ въ архимандрита новгородско-юрьевскаго монастыря,—а отсюда, въ 1758 году, хиротописанъ въ митрополита сибирскаго и тобольскаго.—Въ Тобольскѣ преосвященный Павелъ занялся, между прочими дѣлами, улучшеніемъ семинаріи—и въ 1762 году открылъ въ ней классъ богословія, а въ 1764 году исходатайствовалъ чрезъ св. Сνнодъ высочайшее разрѣшеніе—имѣть въ тобольской епархіи двухъ проповѣдниковъ, для просвѣщенія христіанствомъ инородцевъ сибирскихъ и для утвержденія въ вѣрѣ новокрещенныхъ [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ преосвященный Павелъ, чрезъ архимандрита московскаго высоко-петровскаго монастыря, Сильвестра, просилъ

---

[1] Въ исторіи московской славяно-греко-россійской академіи (1855 г. стр. 263) не показано, куда выбылъ изъ проповѣдниковъ бл. Павелъ; но изъ истор. Россійск. іерарх. (ч. VI стр. 812), видно дальнѣйшее его служеніе церкви.

[2] Матеріалы для истор. христіан. просвѣщ. Сибири,—въ журн. мин. народн. просвѣщ. 1852 г. март. отдѣл. V, стр. 51—53.

изъ Кіево-печерской Лавры двоихъ монашествующихъ для учительскихъ должностей въ тобольской семинаріи,—почему изъ Лавры и отправлены въ Тобольскъ, въ генварѣ 1764 года, два іеромонаха: Савватій Исаевичъ и Веніаминъ Бялковскій. Въ 1768 году преосвященный Павелъ вызванъ въ Москву, по несправедливымъ доносамъ, и Высочайшимъ указомъ отъ 4 іюня 1768 года уволенъ отъ службы на покой въ Кіево-печерскую Лавру. Изъ письма того же высоко-петровскаго архимардрита Сильвестра къ печерскому архимандриту Зосимѣ, отъ 18 марта, видно, что онъ ожидаетъ прибытія въ Москву преосвященнаго Павла, который по слухамъ давно уже выѣхалъ изъ Тобольска, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Зосиму приготовить въ Лаврѣ келліи для преосвященнаго; «ибо ему въ Тобольскъ уже не возвращаться для многихъ причинъ, а въ добавку (еще пишетъ Сильвестръ): нашъ о. Савватій постарался оклеветать». Объ увольненіи преосвященнаго Павла отъ управленія епархіею на покой въ Кіево-печерскую Лавру, дано знать Лаврѣ указомъ Сѵнода отъ 16 генваря № 905. Въ Кіевъ преосвященный Павелъ прибылъ въ августѣ мѣсяцѣ 1768 года и и принятъ въ Лаврѣ съ любовію и уваженіемъ [4]) гдѣ пребывалъ онъ два года, и скончался 1770 года ноября 4 дня.

---

[3]) Дѣло въ соборномъ архивѣ (связ. 5 № 2,) о монашествующихъ.

[4]) Дѣло о преосв. Павлѣ тобольск. и документы взяты изъ лаврскаго соборнаго архива въ кіевскую духовную академію студентомъ 1849 года при Архиваріусѣ послуш. Василіѣ Шишловѣ.

Въ изустныхъ преданіяхъ тобольскихъ жителей, преосвященный Павелъ извѣстенъ пастыремъ строгимъ и взыскательнымъ. А бывшій 1762 г. да, въ Сибири, для астрономическихъ наблюденій прохожденія венеры противъ солнца французскій аббатъ, Шо-де-Трошъ,—описываетъ его ревнителемъ вѣры, оч нь вѣжливымъ, пріятнымъ въ обращеніи и вмѣстѣ—человѣкомъ ученымъ, но невѣрившимъ обращенію земли около солнца[5]).

[5]) Истор. обозр. Сибири Словцова кн. 2. Издан. 1844 г. стр. 14.

(Черниг. Еп. Вѣд.)

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ СЪ УНІЕЮ И КАТОЛИЧЕСТВОМЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(1767—1771 г.)

Въ настоящемъ году, 20 февраля, поляки въ Парижѣ праздновали столѣтнюю годовщину Барской конфедераціи. Русскіе люди могутъ вспомнить, что въ настоящемъ году истекло ровно столѣтіе со времени народнаго въ этомъ же краѣ движенія противъ своихъ бывшихъ притѣснителей, которые попирали беззаконно православную вѣру и русскую народность и за то наказаны потерей своей государственной цѣлости. Русскимъ въ краѣ слѣдовало бы вспомнить столѣтнюю годовщину возстанія 1768 г. хоть молитвой о жертвахъ и мученикахъ тогдашнихъ событій или историческимъ сочиненіемъ о событіяхъ 1768 года, которыя нигдѣ и никѣмъ еще не описаны безпристрастно и обстоятельно—относительно всѣхъ своихъ подробностей. Мѣстной комиссіи для разбора древнихъ актовъ надлежало, мож. быть, опубликовать въ этомъ году всѣ имѣющіеся въ ея распоряженіи подлинные документы о событіяхъ 1768 года. Этихъ документовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на истекшее столѣтіе, имѣется немало, и изъ нихъ-то извлеченъ этотъ эпизодъ. Разсказъ сдѣланъ по

«Коденскимъ протоколамъ» военнаго суда надъ замѣшанными въ возстаніи 1768 г. и пополненъ изъ двухъ документовъ, напечатанныхъ въ изданіи кіевской археографической коммиссіи (Архивъ юго-зап. Рос., матеріалы для ист. правосл. въ зап. Украинѣ въ XVIII в., ч. I). Предлагаемый эпизодъ излагаетъ между прочимъ порядокъ тогдашняго польскаго суда.

Въ мошенскомъ-ключѣ имѣній князя Любомирскаго, въ деревнѣ Березнякахъ, при тамошней церкви, былъ уніатскій священникъ *Иванъ Старжевскій*. Когда въ 1767 году началось во всемъ краѣ сильное народное движеніе, при чемъ сельскія громады стали просить себѣ на приходы и получать изъ Переяслава постоянныхъ православныхъ священниковъ, вмѣсто уніатовъ, между уніатскими попами распространилась великая тревога, такъ какъ было уже много случаевъ, что, получивъ православнаго священника, приходская громада отбирала отъ уніата церковные ключи и выгоняла его изъ села. Стали уніаты совѣщаться между собою, какъ бы удержаться на своихъ приходахъ. Такъ березняковская громада со всѣхъ сторонъ пристала къ своему попу-уніату и требовала, чтобы онъ перешелъ въ православіе Иванъ Старжевскій, для совѣщанія объ этомъ, поѣхалъ въ Богуславъ къ своимъ родственникамъ и обратился за совѣтомъ къ уніатскому священнику богуславской покровской церкви Яну Яроцкому. Этотъ послѣдній посовѣтовалъ поѣхать къ уніату Мокрицкому, имѣвшему титулъ и власть официала украинскаго. Тоже совѣтовали

Старжевскому и другіе уніаты какъ то: *швагеръ* его (женинъ братъ)—приходскій св. села Зеленокъ, и родный братъ—приходскій св. с. Вахутинецъ.

Старжевскій и поѣхалъ жаловаться на свою громаду къ Мокрицкому, который въ то время имѣлъ пребываніе (отправлялъ *седентарію*) въ Корсунѣ. При свиданіи, первымъ привѣтствіемъ Мокрицкаго были слова: здравствуй, попъ схизматикъ! Старжевскій возразилъ, что онъ еще не схизматикъ и не хочетъ быть имъ; но официалъ продолжалъ: вѣдь ты изъ мошенскаго ключа, а тамъ теперь всѣ попы сдѣлались схизматиками и вся мошенщина отступила отъ уніи, то и ты такой же схизматикъ какъ и другіе».

Не давъ Старжевскому ни оправдаться ни объяснить, что пріѣхалъ за совѣтомъ, Мокрицкій велѣлъ его посадить въ тюрьму, въ которой продержалъ цѣлыхъ три дня; потомъ на собственной подводѣ Старжевскаго отправилъ его въ Радомысль; при чемъ до Богуслава арестованнаго сопровождало 12 корсунскихъ козаковъ, а отъ Богуслава—два козака уніатскаго митрополита. Въ Радомыслѣ Мокрицкій приказалъ ксендзу суррогату своему, дать Старжевскому 700 розогъ, потомъ посадили его въ тюрьму и продержали недѣль шесть. Въ то время русскія войска стали въ большомъ числѣ вступать въ польскія границы; сторожившіе тюрьму два козака напились и ослабили надзоръ, сидѣвшіе въ тюрьмѣ увидѣли удобное для побѣга время, и Старжевскій, вмѣстѣ съ православ. священникомъ Андреемъ Тоганецкимъ, монахомъ корсунскаго монастыря, шляхтичемъ Чижевскимъ и еще съ двумя неизвѣстными людьми (изъ которыхъ одинъ былъ литвинъ), ушелъ изъ тюрьмы. Только одинъ священникъ показывавшійся изъ

с. Пишокъ, канев. уѣзда, сидѣвшій въ тюрьмѣ за утраченныя деньги, и литвинъ—нищій не воспользовались случаемъ уйти и остались въ тюрьмѣ. Таганецкій ушелъ за границу (русскую), монахъ отправился въ свой монастырь, Чижевскій бросилъ жену и тещу и неизвѣстно куда дѣвался, Старжевскій же отправился въ свой приходъ—село Березняки. Но тамошняя громада его не приняла, потому что на приходѣ былъ уже новый, православный священникъ, переведенный туда изъ Мошенъ по ходатайству громады и утвержденный тамъ переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ,—о. *Николай Бабиченко*.

При такихъ обстоятельствахъ, Старжевскій, пробывъ у своего тестя недѣли три, рѣшился пойти за другими, принявъ православіе, которое вводилось тогда по всей Украинѣ, и отправился за границу, въ Переяславль; это онъ дѣлалъ тѣмъ охотнѣй, что его уніатская консисторія обошлась съ нимъ такъ сурово, а потому возвращаться къ ней послѣ бѣгства изъ Радомысля уже не приходилось. Въ Переяславѣ ему, какъ уніату, обѣдни отправлять не дозволили, а по переходѣ въ православіе помѣстили его для отправленія богослуженія при михайловской монастырской церкви. Въ то же время въ Переяславъ къ архіерею прибыли посланные отъ громады села Грузного (Завадовки тожъ), области смилянской, Иванъ Василенко и Иванъ Овсіенко — съ просьбою дать имъ православнаго священника, потому что настоящій ихъ пипъ *Николай Талинковскій*, хотя и принялъ было православіе, но «смердитъ уніатомъ» и они имъ не довольны и не могутъ его болѣе терпѣть». Архіерей спросилъ посланныхъ, имѣютъ ли они у себя *аколита* (клирика

приготовленнаго къ священству), котораго бы можно поставить священникомъ и послать въ Грузнуое. Громадскіе посланцы отвѣчали, что такого кандидата на священство у нихъ нѣтъ. Тогда вспомнили о Старжевскомъ, призвали къ архіерею; архіерей велѣлъ ему написать «инструментъ» (грамоту) на приходъ къ церкви села Завадовки и съ сею грамотою отпустилъ его туда, вмѣстѣ съ громадскими людьми.

По пріѣздѣ въ приходъ, громада объявила попу Талинковскому, что у нихъ уже есть другой священникъ, такой какъ они желали. Но уніатъ Талинковскій на это не обратилъ вниманія, не отдалъ церковныхъ ключей и не допустилъ къ церкви православнаго собрата, сказавши громадѣ: «робіть ви собі що хочете, а я правдивый уніатъ и зъ васъ жадного не пущу до церкви». Но прихожане еще прежде перестали ходить въ церковь, замѣтивъ, что о. Талинковскій, съ которымъ вмѣстѣ громада бросила унію по вступленіи въ Украину польскаго войска, мѣсяца черезъ два послѣ принятія православія, опять сталъ держаться уніатства.

О. Старжевскій черезъ три дня уѣхалъ къ тестю своему въ село Деренковецъ, за милю отъ Грузного, а потомъ поѣхалъ въ Переяславъ и отправился опять на прежнее мѣсто, на службу въ монастырь. Черезъ три мѣсяца таже самая Завадовская громада опять прислала Ивана Василенка, Филипа Дрозда и Кота усильно просить себѣ у преосвященнаго архіерея православнаго пастыря и жаловаться на Старжевскаго, что тотъ черезъ два дня бросилъ ихъ приходъ. Посланные нашли въ Переяславѣ о. Старжевскаго, который, имѣя уже письменный указъ или ордеръ изъ

изъ переяславской духовной консисторіи, поѣхалъ съ посланными опять на свой приходъ.

Пріѣхали въ Грузное, предъявили громадѣ указъ консисторіи изъ Переяслава. Громада осталась довольна священникомъ, приняла его на приходъ, и, по обычаю, отправилась къ грузенскому «подстаростному» (управителю) Михалу Жеребку объявить о новоприбывшемъ священникѣ; предъявили указъ и просили дозволенія отобрать церковный ключь отъ уніатскаго попа Николая для богослуженія. Подстаростный Жеребко дозволилъ отобрать ключь и объявилъ громадѣ, что буде уніатъ почему либо, какъ упорный человѣкъ, ключа не отдастъ, могутъ отперетъ церковь другимъ ключемъ, и новый приходскій священникъ можетъ отправлять свое православное церковное богослуженіе безпрепятственно.

Съ такого разрѣшенія, новый священникъ съ сельскимъ отаманомъ Саввою Уласенкомъ съ ктиторомъ или старостою церковнымъ Романомъ и другими прихожанами отправились къ попу уніату на домъ просить ключь. Но уніатъ по упорству не выдалъ ключа. Это было предъ самимъ праздникомъ Рождества Христова. Громада отперла церковь другимъ ключемъ, и, осмотрѣвъ прежде принадлежности церковнослуженія, не нашли въ церкви ни священническихъ одеждъ, ни богослужебныхъ книгъ, коими, однакожъ, церьковь была снабжена. Тогда громада убѣдилась, что попъ—уніатъ, прежде громадскаго осмотра, ночью «воровски» забралъ изъ церкви всѣ одежды и книги. Не смотря на многократныя просьбы громады, уніатъ не отдавалъ церковныхъ принадлежностей, а насиліемъ отобрать ихъ подстаростный «ни подъ какимъ видомъ» громадѣ не позво-

лилъ. Такимъ образомъ приходъ въ праздникъ Рождества остался безъ богослуженія, могъ такъ же пройти безъ богослуженія, и праздникъ крещенія, столь торжественный въ южной Руси. Поэтому отаманъ ктиторъ, громадяне Ив. Овсіенко и Пилипъ Дроздъ, взявъ съ собою православ. священника, отца Ивана, отправились за семь верстъ въ село Деренковецъ—попросить на время (для визички) необходимыхъ для богослуженія предметовъ. Но на половинѣ дороги догналъ ихъ старшій сынъ уніатскаго попа Василій Талинковскій, вмѣстѣ съ польскимъ шляхтичемъ старосильскимъ лѣсничимъ Студинскимъ, въ сопровожденіи четырехъ вооруженныхъ (дворскихъ) козаковъ, напали разбойнически на благочестивыхъ громадянъ, и безчеловѣчно избили ихъ плетьми и ружейными дулами. Особенно досталось православному священнику: его избили безпощадно, приговаривая, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не *важился* (рѣшался) быть на Грузненской парохіи (приходъ); взяли его лошадь съ санками, сорвали съ него *хутро* черное (шубу), въ которомъ онъ былъ одѣтъ, свиту сѣрую и шапку, и «ободравъ до наготы,» объявили: будь доволенъ тѣмъ, что животомъ даруемъ. При этомъ поповичъ Василій объявилъ, что все это дѣлается по приказанію подстаростнаго, а не собственною его властію, и что подстаростный въ совершенномъ секретѣ приказалъ, поймавши о. Ивана, даже убить на смерть, чтобы и на будущее время никакой благочестивый (православный) священникъ не важился занимать Грузненскую парохію. Насилу могли спастись отъ смерти скорымъ бѣгствомъ, при чемъ о. Старжевскій спрятался въ лѣсу, а прихожане убѣжали домой, въ Грузное. Ввечеру того же дня отецъ и сынъ—уніаты опять уви-

дѣлись въ селѣ съ избитыми на дорогѣ прихожанами, и когда послѣдніе началали «договаривать» поповичу Василью за такой безчеловѣчный разбой и грабежъ на дорогѣ, уніаты начали стрѣлять въ протестующихъ изъ ружья и выстрѣлили нѣсколько разъ, такъ что громадяне опять обратились въ бѣгство, иначе непремѣнно произошло бы «смертное забойство».

Праздникъ Крещенія Господня прошелъ безъ богослуженія. 10 января 1768 года грузненскіе прихожане всею громадою, за подписью отамана Саввы Уласенка, ктитора Ив. Овсіенка и Филиппа Дрозда, послали въ Переяславъ своему «архипастыреви» преосвященному Гервасію «нижайшее доношеніе» о таковыхъ поступкахъ подстаростнаго и уніатовъ, присовокупляя, что «и по нынѣ чрезъ оного попа унѣята невозможно имѣть служенія въ церкви Божіей», и нижайше просили преосвященнаго о милостивомъ архипастырскомъ вспомоществованіи въ защищеніи ихъ, нижайшихъ рабовъ и подножковъ, области польской, села Грузного жителей.» Того же 14 января послалъ преосвященному рапортъ о томъ же и о Старжевскій, гдѣ въ концѣ говоритъ, что «отъ уніатскихъ гвалтовныхъ нападковъ онъ въ своемъ приходѣ и до богослуженія вовсе пріиматись опасенъ». На это епископу Переяславскому и Бориспольскому оставалось сдѣлать только обыкновенную резолюцію, для исполненія консисторіи: «о показанномъ представить отъ насъ св. Сνноду доношеніемъ, по прикладу прежнихъ доношеній о таковихъ дѣлахъ, и о томъ, что еще не утишаются ярости и свирѣпства поповъ—унѣятовъ, которые отправляютъ гоненія и озлобленія православнымъ священникамъ, подъ покровомъ и за пособленіеπъ губернаторовъ и придворскихъ людей».

Между тѣмъ о. Старжевскій поселился въ домѣ титора и по просьбѣ громады отправлялъ для нихъ православ требы. Попа—уніата громада не смѣла выгнать изъ села, но и не пускала въ церковь, впрочемъ держала себя спокойно, хотя подстаростій Жеребко бранилъ громаду за принятіе новаго попа и отобраніе церкви у уніата, и говорилъ: я вамъ того попа Старжевскаго велю повѣсить на вербѣ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явились мстители. Когда Максимъ Зализнякъ прибылъ въ Корсунь, восемь человѣкъ изъ его войска появились въ селѣ Завадовкѣ—прежде всего съ требованіемъ, чтобы изъ села отправились депутаты на поклонъ къ Зализняку, (громада этого села не знала, что другія села ходили къ Зализняку): потомъ спрашивали, нѣтъ ли въ селѣ какого нибудь ляха или попа—уніата. Имъ отвѣчали, что былъ ляхъ подстаростій, да ушелъ, а попъ—уніатъ здѣсь. Громада воспользовалась настоящимъ случаемъ, и конечно—разсказала гайдамакамъ о недавнихъ дѣйствіяхъ попа—уніата и подстаросты; гайдамаки бросились въ хату уніата, но не нашли дома—ушелъ, нашли одну попадью. Хату съ досады разграбили. Кто-то изъ гайдамакъ пошелъ искать уніата и нашли поповича Василья, старшаго сына попа Талинковскаго (меншій сынъ его Семенъ былъ въ отсутствіи). Этотъ поповичъ Василій когда-то въ прежніе годы былъ въ числѣ гайдамакъ-грабителей и даже дѣлалъ нападеніе вмѣстѣ съ другими на село Завадовку, но потомъ ушелъ, пойманъ былъ Смилянскою милиціей и сидѣлъ подъ арестомъ, пока выручилъ его отецъ. Теперь онъ сталъ отбиваться отъ арестующихъ его гайдамакъ, и не смотря на то, что гайдамаки били его ратищами, не давался въ руки;

но громадяне Өедоръ Кулишъ и Назаръ Овсіенко пришли на помощь, схватили его, связали и привязавъ возжами за шею, усадили на возъ. Мать—попадья была при этомъ, ее гайдамаки держали за руки, почти и вся громада присутствовала при этомъ. Титоръ Ив. Василенко сталъ допрашивать попадью, гдѣ церковныя книги. Попадья долго не хотѣла сказать, зная, что въ скринѣ (сундукѣ), вмѣстѣ съ церковными принадлежностями, зарыто въ землю немало ея собственнаго имущества, за цѣлость котораго она очевидно и справедливо боялась. Но гайдамаки строго пригрозили ей нагайкою, и указаніе послѣдовало. Скриню отрыли и открыли. Выбравъ изъ нея разное имущество, нашли тамъ и церковный антиминсъ (alias portal—напрестольный платъ съ мощами мучениковъ, безъ котораго невозможно служеніе православной обѣдни). Изъ уваженія къ святыни, ни одинъ изъ гайдамаковъ не хотѣлъ своими руками взять эту церковную принадлежность, потому спросили: есть ли у васъ благочестивый піпъ? Имъ отвѣчали, что есть присланный изъ Переяслава. Послали за нимъ пономаря Трохима Баранія къ ктитору въ домъ. По приходѣ о. Старжевскаго, его опять спросили гайдамаки, откуда онъ и православный ли, и на утвердительный отвѣтъ сказали: «возьми ты антиминсъ изъ скрыни, бо намъ не годиться, и отдай до церкви». Взявъ священникъ антиминсъ и книги, между прочими—два евангелія, священникъ составилъ имъ реестръ и приказалъ ктитору отнести въ церковь. Домашнія принадлежности и другое бывшее въ скрыни имущество попа—уіата гайдамаки конфисковали и раздали громадянамъ, при чемъ и православному попу подарили четыре женскихъ намитки, двѣ плахты, пару сапогъ и красные сафьянные черевики.

Гайдамаки уѣхали, а громада собралась къ своему священнику, и стали сбираться на поклонъ къ Зализняку. Священникъ отдалъ громадѣ, для возвращенія попадьѣ уніаткѣ, всѣ подаренныя ему гайдамаками вещи. Собравшись, повезли избитаго поповича въ Корсунь, подводу сопровождали пѣшкомъ шестеро депутатовъ: священникъ о. Ив. Старжевскій, войтъ или отаманъ сельскій Савва Уласенко, титоръ Ив. Василенко, громадяне: Степанъ Дзюбенко и Игнатъ Кулишенко. Войтъ взялъ съ собою хлѣбъ-соль, чтобы привѣтствовать Максима Зализняка по примѣру всѣхъ громадъ. Шли пѣшкомъ съ полъ-мили до деревни Карашинки. Здѣсь догнала ихъ другая, быстро ѣхавшая подвода, на которой Ив. Кулишъ съ наймитомъ своимъ, Назаръ Овсіенко, Данко Дубиненко и Михайло Носъ везли попа—уніата Миколая Талѣнковскаго. По выѣздѣ изъ Завадовки первой подводы, Грицько Василенко и Лазарь Яременко начали искать его и нашли спрятавшимся въ бурьянѣ, вытащили за волоса и бороду, привели къ корчмѣ, гдѣ ему еще больше досталось отъ громадянъ, связали, посадили на возъ, привязали къ драбинѣ и повезли на судъ Зализняка. Соединившись съ первою подводою въ Карашинкѣ, вынули изъ своего воза горѣлки и попотчивали всѣхъ и попа—уніата, который выпивши, сказалъ: «сяду-ка я на возъ къ сыну; хоть я и поѣду туда, но недумайте, чтобы коліи меня тамъ закололи,—я еще выпрошу и сыну прощеніе». Усѣвшись, отправились. По прибытіи къ Корсуню, при спускѣ съ горы отъ *Городищъ*, одна подвода, на которой сидѣли депутаты и о. Старжевскій, пріостановилась, а возъ съ уніатами отправился черезъ мостъ въ городъ. Тамъ сей часъ же гайдамаки узнали бывшаго своего

сотоварища Василья поповича и стали говорить: «га, то той, що до нашихъ пристававъ и зъ нами воіовавъ, а потімъ до ляхівъ—конфедеративъ утікъ!» Немедленно, не допуская и до Зализняка, привязали его къ столбу частокола предъ башнею Замковою и разстрѣляли.... Между тѣмъ когда пріѣхала въ городъ другая подвода, ее у замка дожидались уже громадяне, поѣхавшіе впередъ. Соединившись громадяне, съ священникомъ своимъ и войтомъ во главѣ, пошли въ замокъ, гдѣ поклонившись Зализняку, вручили ему хлѣбъ. Онъ сдѣлалъ имъ четыре вопроса: а зъ якого села?—Ему отвѣчали.—«А чому не выходили до мене съ поклономъ?—ему отвѣчали, что незнали о пріѣздѣ вашей вельможности; а какъ скоро узнали, немедленно явились къ нему на поклонъ.—«Чи були у васъ мои козаки?—Були.—А чи грабували?—Отвѣтъ былъ, что не грабили. Зализнякъ сказалъ имъ: я вамъ жадноі кривды чинити не допущу Въ тотъ же день на Завадовку сдѣлали набѣгъ другіе гайдамаки и разграбили панскій дворъ и жидовскую аренцу (корчму, шинокъ)

Послѣ разговора, въ комнату вошелъ, безъ всякаго пристава и безъ караульнаго козака, попъ—уніатъ Талинковскій съ хлѣбомъ въ рукахъ, одѣтый въ гранатовый жупанъ и въ дрянную сѣрую свитку сверху, безъ шапки. Онъ подошелъ къ Зализнику и отдалъ ему поклонъ съ хлѣбомъ. Зализнякъ спросилъ хто ты такый? Талинковскій отвѣчалъ, что онъ попъ.—А якый ты пипъ?—Изъ села Завадовки.—А певно уніатъ?—Талинковскій отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно уніатъ. Какъ только сказано было это, Зализнякъ крикнулъ: возьмить того уніата и посадить его на худоби (на хозяйствѣ)! Козаки схватили попа и бросили въ яму,

которая въ корсунскомъ замкѣ замѣняла тюрьму. Тамъ его разстрѣляли гайдамаки. Представители Завадовской громады благополучно возвратились домой, избавившись отъ попа уніата; но потомъ громада заплатила другому сыну попа—уніата Талинковскаго, Семену, 74 рубля за убійство отца его. Одинъ гайдамака изъ жалости къ казненнымъ Талинковскимъ, приказалъ позвать изъ тамошняго госпиталя нищихъ (dziadów szpitalnych korsunskich) и давъ имъ рубль, распорядился, чтобы трупы отца и сына погребены были въ особой ямѣ, отдѣльно отъ другихъ, что и исполнено. Но когда гайдамаки выступили изъ Корсуня, тѣла другихъ убитыхъ еще лежали безъ погребенія.

По разрѣшеніи гайдамацкой трагедіи, меньшій сынъ казненнаго уніата Талинковскаго, Семенъ, составилъ противъ о. Старжевскаго пять обвинительныхъ пунктовъ такого содержанія:

1) Старжевскій подстрекалъ Завадовскую громаду выгнать уніата Талинковскаго изъ села, а его, какъ православнаго священника, принять на приходъ.

2) По вступленіи Зализняка въ Корсунь, о. Старжевскій опять взбунтовалъ громаду, и, когда покойный Талинковскій убѣжалъ изъ села, Старжевскій въ соумышленіи съ главнѣйшими бунтовщиками Завадовской громады: Ив. Мусіенкомъ, Ив. Василенкомъ, Вас. Яременкомъ, Игн. Кулишемъ, Вас. Тертичнымъ и Филип. Дроздомъ призвали въ село гайдамакъ и приказали Назару Мусіенку, Ѳедору Дрозденку, Михайлу Прочухаенку, Панасу Наймудю, Тарасу Галуненку и Ѳедору Кулишу отвезти Талинковскаго въ Корсунь.

3) Когда сынъ Талинковскаго Василій, изъ жалости къ родителямъ, прибѣжалъ и бросился, чтобъ от-

бить у нихъ покрайней мѣрѣ мать свою, то мужики всею громадою обступили его взяли, связали и били, и тоже отправили къ Зализняку.

4) О. Иванъ Старжевскій вмѣстѣ съ выборными громадскими просили въ Корсунѣ Зализняка, чтобы представленные въ Корсунь Талинковскій съ сыномъ были караны смертію; вслѣдствіе чего Талинковскіе жестоко замучены: между другими жестокостями ужаснѣйшія состояли въ томъ, что имъ вырѣзали груди и сдѣлавъ цѣлью, стрѣляли въ нихъ; а съ лица сдирали кожу.

и 5) Возвратившись въ Завадовку со своими соучастниками о. Ив. Старжевскій, раздѣлили между собою имущество убитыхъ; и хотя Старжевскій отрицаетъ, что онъ не бралъ оставшагося имущества, однакожъ возвратилъ приносящему о семъ жалобу сиротѣ три намитки, сафьянные сапоги и черевики.

О. Ивана Старжевскаго схватили, и 12 іюня 1771 года онъ былъ допрашиваемъ въ Корсунѣ предъ командою вельможнаго Дзѣржка (при индагаціи у команды генеральной podjazdowéj) въ числѣ многихъ другихъ разныхъ арестованныхъ лицъ обвиняемыхъ въ гайдамачествѣ. Здѣсь Семенъ Талинковскій подалъ свои обвинительные пункты. Записаны кратко показанія о. Старжевскаго о себѣ и о тѣхъ событіяхъ, вслѣдствіе которыхъ его обвиняютъ. Въ этихъ показаніяхъ сказано, что о. Старжевскій видѣлъ смерть Талинковскаго, но не сознался въ томъ, чтобы онъ былъ причиною казни ксендза—уніата, и объявилъ, что возвратившись изъ Корсуня въ Завадовку, до сихъ поръ спокойно жилъ себѣ въ селѣ и изъ имущества покойника ничего не взялъ.

Эти показанія вмѣстѣ съ краткими показаніями 48, допрошенныхъ тогда же при командѣ, арестантовъ, схваченныхъ по обвиненію въ участіи въ гайдамачествѣ три года назадъ, съ присоединеніемъ подъ показаніемъ о. Старжевскаго обвинительныхъ пунктовъ, поданныхъ командѣ Семеномъ Талинковскимъ, отправлены въ мѣстечко Трояново (нынѣ волынской губ. житомирскаго уѣзда), куда перенесена часть суда надъ гайдамаками изъ мѣстечка Кодни, гдѣ они судились при эскадронѣ Дрогоевскаго, Швадрониста.

23 сентября (wrzesnia) 1771 г. пришла очередь вторичному допросу о. Ивана Старжевскаго. Разсмотрѣли обвинительныя статьи, присланныя изъ Корсуня, и судъ записалъ въ протоколѣ, что хотя эти статьи и не подписаны никѣмъ, но для допроса попа Старжевскаго онѣ необходимы. Переписали ихъ въ протоколъ. Привели передъ судъ о. Старжевскаго, и, какъ видно, прочитали ему показанія присланныя изъ Корсуня. Въ протоколѣ записано, что сдѣланныя нынѣ о. Старжевскимъ показанія не согласуются съ его корсунскими «добровольными конфессатами» (такъ назывались показанія не сопровождаемыя пытками, а показанія съ пытки назывались «корпоральными конфессатами). Но существеннаго несогласія между корсунскими и трояновскими показаніями нѣтъ, кромѣ того, что корсунскія записаны очень кратко, съ пропусками подробностей разсказанныхъ о. Старжевскимъ теперь, да еще того, что въ корсунскихъ показаніяхъ записано, что онъ видѣлъ казнь Талинковскихъ. За замѣткою о «конфронтаціи инкарцерата» Старжевскаго показаній корсунскихъ слѣдуютъ показанія его трояновскія. Вопросы шли по тогдашней формѣ:

Приведемъ только болѣе замѣчательные.

Вопросъ суда: гдѣ онъ родился?

Отвѣтъ Старжевскаго. Родился я въ деревнѣ Вахутинцахъ Богуславскихъ, отъ прадѣда, дѣда и отца Яна, матери Параски—состоящихъ въ священствѣ Старжевскихъ. Мнѣ 33 года. Учился я до 15 лѣтъ въ въ школѣ въ Вахутинцахъ, потомъ отданъ былъ отцомъ въ школу въ Переяславъ; тамъ я продолжалъ около 5 лѣтъ и дошелъ до Поэтики, въ которой былъ одинъ годъ. Возвратившись къ родителямъ я пробылъ у нихъ годъ, послѣ чего отецъ отдалъ меня ксендзу Любинскому, инструктору русской консисторіи (уніатской радомысльской), у котораго я учился и готовился къ священству годъ. На другой годъ я женился на Евдокіи, дочери приходскаго священника села Деренковца смилянскаго. Потомъ получивши въ Радомыслѣ полное посвященіе на священство на приходъ при церкви отца своего въ селѣ Вахутинцахъ, я пробылъ викарнымъ священникомъ при отцѣ полтора года; а когда наступила милость велебнаго ксендза официала Примовича, онъ далъ мнѣ *консенсъ* на приходъ въ мошанскомъ ключѣ при церкви деревни Березняковъ, при которой я и былъ года четыре, до 1767 года, когда наступили раздоры между попами заграничными и здѣшними и изъ за границы начала врываться схизма, при чемъ начала donosić się jeden drugiemu praktyki, начавшіяся въ смилянскомъ ключѣ, и громады, присягнувъ въ Переславлѣ православію, отбирали ключи отъ нашихъ уніатскихъ поповъ и выгоняли ихъ изъ приходовъ, а схизматиковъ, диспонованныхъ (рукоположенныхъ) въ Переяславѣ, помѣщали на приходахъ. Въ тревогѣ о семъ и поѣхалъ я къ официалу Мокрицкому, который, какъ

извѣстно уже, принялъ меня за схизматика, высѣкъ розгами и засадилъ въ тюрьму, откуда я ушелъ вмѣстѣ съ другими и отправился къ тестю. Незная за что ухватиться при наступившей борьбѣ между попами, между схизмою и уніею, я принужденъ былъ идти за границу въ Переяславль, по той причинѣ что я не зналъ куда дѣваться, потому что въ радомысльской консисторіи со мною очень дурно обошлись, такъ что я долженъ былъ сдѣлать побѣгъ, вслѣдствіе котораго мнѣ уже нельзя было вернуться назадъ. Въ Переяславѣ я думалъ найти какія нибудь средства существованія, но и тамъ меня не хотѣли принять. Раскинувъ мыслями, что мнѣ дѣлать, что вотъ и здѣсь не хотятъ меня принять и назадъ незачѣмъ мнѣ возвращаться, я принужденъ былъ принять совѣты православныхъ, не имѣя чѣмъ существовать, потому что меня десять недѣль не допускали къ отправленію богослуженія пока я не присягнулъ на православіе. Тогда меня принудили только за 5 рублей цѣлый годъ отправлять въ монастырѣ обѣдни, которыхъ я отправилъ 91. По окончаніи срока службы, по неимѣнію достаточныхъ средствъ къ существованію, я вызванъ изъ монастыря по запискѣ архіерея и, по его приказанію, отправился на приходъ въ село Завадовку; на приходъ къ этой церкви архіерей приказалъ мнѣ написать *инструментъ*, который и теперь при мнѣ находится. Когда я ушелъ опять въ Переяславъ, таже громада опять просила у архіерея, чтобы непремѣнно далъ имъ православнаго священника, жалуясь на меня архіерею, что я пробылъ у нихъ на приходѣ только два дня. Архіерей далъ мнѣ письменный указъ, чтобы я немедленно съ тѣмъ указомъ отправился на приходъ. Я отправился. Громада сей часъ

отобрала къ себѣ у попа Талинковскаго ключи церковные, не изгоняя его изъ деревни, только не допуская до церкви, и онъ жилъ тамъ до времени прибытія въ Корсунь Главнаго ватажка Зализняка; а я отправлялъ уже громадѣ православные обряды по ея волѣ, и жилъ въ томъ приходѣ до взятія меня подъ караулъ.

Судъ. Какимъ образомъ попа Талинковскаго убили, за что и кто?

Ив. Старж. Какъ привезли къ Зализняку въ Корсунь попа съ сыномъ и какъ ихъ Зализнякъ принималъ, я о томъ не знаю, потому что, когда я пріѣхалъ со своими провожатыми, войтомъ ктиторомъ и Кулишенками въ Корсунь, то сынъ талинковскаго былъ уже разстрѣлянъ неизвѣстно кѣмъ и по чьему приказу. На вопросъ Зализняка о томъ, не грабили-ль въ деревнѣ Завадовкѣ его козаки, мы отвѣчали «не грабили» потому, чтобы онъ за другой отвѣтъ не счелъ насъ въ чемъ нибудь противящимися ему: если бы мы сказали что гайдамаки грабили, то можетъ быть, онъ, отвѣчалъ бы намъ какъ и другимъ: вы мнѣ противились, за то васъ и грабили. Уже послѣ этого разговора неизвѣстно откуда явился Талинковскій—отецъ, и его не сопровождалъ никто изъ привезшихъ его въ Корсунь. Зализнякъ самъ спросилъ его, кто онъ, и узнавъ, что уніатскій попъ изъ той же Завадовки, тогда только приказалъ посадить его на худобѣ, гдѣ и разстрѣляли его изъ рушницъ.

Судья сказалъ. Это по твоему подговору бывшій попъ Николай Талинковскій схваченъ Завадовскими людьми и отвезенъ къ Зализняку; ты уговаривался о томъ съ тамошнею громадою, подстрекнувъ оную, потому что Талинковскій нехотѣлъ допустить тебя въ приходъ. Такъ

свидѣтельствуютъ на тебя статьи, поданныя Семеномъ Талинковскимъ, оставшимся младшимъ сыномъ ксендза.

О. Страж. Я не подущалъ громады ни къ призванію въ Завадовку гайдамаковъ, ни къ грабежу ксендза Талинковскаго, ни къ отправленію его къ Зализняку, ни одного человѣка не подговаривалъ; и когда ксендза схватили, я не зналъ о томъ, потому что я выѣхалъ въ Корсунь, какъ я прежде разсказалъ.

Вѣдь со мною вмѣстѣ были люди, пускай они хоть на пыткѣ покажутъ на меня! И добычи я больше не бралъ отъ гайдамаковъ кромѣ данныхъ мнѣ ими намитокъ, двухъ плахтъ, сапоговъ и башмаковъ. Не я причина убійства ксендза Талинковскаго, съ сыномъ, а громада, потому что она поплатилась за то 79 рублями, давши ихъ сыну ксендза Талинковскаго, Семену, въ чемъ удостовѣряетъ росписка его, данная громадѣ. Вотъ она. Больше ничего не имѣю объявить кромѣ сказаннаго.

О. Старжевскій отправленъ въ тюрьму (dimissus ad carceres). 2-го ноября того же 1771 въ военномъ судѣ (предъ актомъ войсковымъ) при той же генеральной командѣ войска короннаго партій Украинской и Подольской, явился обвинитель о. Старжевскаго, поповичъ Семенъ Талинковскій. привели изъ ямы о. Старжевскаго и при обоихъ, обвинителѣ и обвиняемомъ, прочитали показанія послѣдняго. Семенъ Талинковскій объявилъ, что будетъ поддерживать (windicuiąc) свое обвиненіе противъ о. Старжевскаго и громады Завадовской въ убійствѣ отца его вслѣдствіе отправки его ими для такого убійства въ Корсунь къ Зализняку.

Семенъ Талинковскій. Обвинялъ громаду, хвалилъ твердость отца своего, который объявилъ себя правдивымъ уніатомъ и не пускалъ бунтовщиковъ и отступни-

ковъ въ церковь, хвалилъ и подвигъ брата, о которомъ о. Старжевскій въ своихъ показаніяхъ умолчалъ и обвинялъ Семенъ Т. о. Старжевскаго въ отправленіи православныхъ обрядовъ для громады. О. Старжевскій, говорилъ онъ, послѣ недопущенія его отцомъ на приходъ, удалившись изъ села, жилъ у тестя въ Деренковцѣ и тайно пріѣзжалъ въ Завадовку къ соумышленной съ собою громадѣ, ночью—крестить дѣтей и очень рано погребалъ по огородамъ тѣла умершихъ. Много ли онъ дѣтей окрестилъ и похоронилъ мертвыхъ, я того незнаю. Мой покойный отецъ все это записывалъ, но эти замѣтки во время гайдамачщины пропали вмѣстѣ съ другими бумагами. Чрезъ нѣсколько недѣль, все таки живя у тестя, о Старжевскій подговорилъ громаду, чтобы она отняла церковь у отца, и собравшись цѣлымъ обществомъ вмѣстѣ съ о. Старжевскимъ, пришли къ церкви, посылали за отцемъ, чтобъ отдалъ ключи. Но отецъ и въ это время не поддался бунтовщикамъ, а еще гналъ и билъ приходящихъ къ нему за ключами людей, и приказалъ также дѣлать и старшему брату моему. Когда громада не получила отъ отца ключей, разсердившись, они всею толпою отбили дверные *шпонги*, и выставили двери церковныя и всѣ вошли въ церковь толпою же, все осмотрѣли въ церкви, не взявши впрочемъ ничего, вышли и только притворили церковь. Когда всѣ разошлись по домамъ, о. Старжевскій сѣлъ на сани и поѣхалъ къ тестю, мой старшій братъ верхомъ на лошади съ ружьемъ и списомъ бросился за нимъ въ погоню, а нагнавши, съ тою мыслію, чтобы онъ больше не показывался въ Завадовку, старался побить его, ободрать и какъ схизматику остричь голову. Братъ мой и исполнилъ то: два раза толкнулъ его ружьемъ и ободралъ, а

желаніе свое остричь попа отмѣнилъ. Однакожъ за такое доброе дѣло, когда братъ возвратился въ село, Завадовцы съ дубинами заступили ему дорогу, и еслибъ онъ не ушелъ во дворъ къ подстаростію, навѣрно его убили бы. Впрочемъ на другой день о. Старжевскому отослали черную *сукню,* которую у него братъ взялъ было. Послѣ того немного стало спокойнѣе въ селѣ; такъ что мой отецъ завладѣлъ церковью, а о. Старжевскій уѣхалъ за границу въ Переяславль. Находящійся въ Завадовкѣ подстаростій панъ Михаилъ Жеребко бранилъ громаду за отправку попа и отобранье церкви, и говорилъ, что велитъ повѣсить Старжевскаго на вербѣ. Но послѣ этого громада немного успокоилась.

О. Старж. Правда, что въ Переяславль пріѣзжали къ архіерею два указанныя лица просить о другомъ священникѣ; Архіерей назначилъ меня, давъ мнѣ свой указъ, который здѣсь при мнѣ. Я предполагалъ, что удержусь на этой парафіи, потому и поѣхалъ; а по пріѣздѣ въ Завадовку, когда ксендзъ Талинковскій не захотѣлъ отдать мнѣ церкви, я, пробывъ только два дня въ приходѣ, да у тестя два дня, поѣхалъ въ Переяславль. Дѣтей же я не крестилъ и не погребалъ ни одного умершаго; сидѣлъ я за границею отъ того времени четверть года. Въ другой разъ пріѣхали въ Переяславъ изъ Завадовки трое: Иванъ Василенко ктиторъ Пилипъ Дроздъ и Линецъ (?) Котъ; этотъ послѣдній умеръ. Они не были у архіерея, только меня одного просили, чтобы я непремѣнно ѣхалъ на ихъ парафію, имѣя уже у себя указъ. Я, по ихъ домогательству, поѣхалъ; но ксендзъ Талинковскій вторично не хотѣлъ отдать мнѣ церкви, то еще сынъ его Василь выгналъ меня изъ села и догнавши за пол-мили, избилъ и облупилъ.

Вопросъ (суда). Зачѣмъ о. Старжевскій дѣлалъ насиліе церкви, отбирая оную? было ли это съ вѣдома тамошняго подстаростія, и позволилъ ли онъ это дѣлать, или же не позволялъ?

О. Старж, Я не знаю о томъ, позволилъ ли тамошній подстаростій или не позволялъ, потому что я у него не былъ; а громадѣ говорилъ я, чтобъ она шла къ пану подстаростію за дозволеніемъ отобрать церковь. Громада, возвратившись, говорила при мнѣ, что подстаростій позволилъ отобрать церковь, но съ тѣмъ, чтобы громада отправилась прежде къ ксендзу Талинковскому и попросила его дать ключи отъ церкви, и (будто-бы) сказалъ: отдастъ вамъ ключи—хорошо; а не отдаетъ, то отбейте себѣ церковь. Но какъ я потомъ узналъ, здѣсь былъ замыселъ противъ громады, потому что еще прежде подстаростій и ксендзъ Талинковскій сговорились и условились такъ, что когда придутъ со мною отъ громады человѣкъ пять, то побить насъ, порядкомъ, чтобы и у другихъ отбить къ тому охоту. Ксендзъ Талинковскій съ сыновьями и приготовились было къ тому, но планъ ихъ не удался, потому что къ нимъ пришло не пять, а 15 человѣкъ; побить ихъ Талинковскій не могъ, а только вытолкалъ ихъ изъ плебаніи съ potrąceniem, не давши ключей. Тогда пошли прямо въ церковь и отбили двери у ней, и меня, какъ своего уже священника, ввели въ церковь, чтобы я осмотрѣлъ всѣ принадлежности богослуженія. Такъ какъ не доставало многихъ предметовъ: манипуляра (требникъ) и евангелія, я объявилъ, что немогу отправлять службы, ибо не начѣмъ, и мы вышли изъ церкви. Я поѣхалъ къ тестю, чтобъ отъ него взять принадлежностей для отправленія обѣдни; Василь Талинковскій избилъ меня

и снялъ шубу. Я уже съ той поры не хотѣлъ болѣе возвращаться въ Завадовку, а ѣздилъ отъ тестя опять въ Переяславль и пробылъ тамъ мѣсяцъ, когда въ третій разъ тѣже люди отъ громады пришли къ архіерею съ тою самою просьбою о другомъ священникѣ (вмѣсто Талинковскаго). Когда архіерей отправлялъ къ нимъ непремѣнно меня, я отговаривался, чтобъ другого послали, такъ какъ меня чуть не убили въ Завадовкѣ. Правда, что Ив. Василенко и Ив. Овсіенко жаловались архіерею на ксендза Талинковскаго съ сыномъ, а также и на подстаростіе: не хотятъ отдать церкви, выгоняютъ даннаго намъ вашею вельможностью священника и чуть не убили этого. На это архіерей Гервасій тѣхъ же двухъ громадскихъ людей успокоилъ, сказывая такъ: у васъ есть священникъ; вы только недопускайте дѣлать ему кривды, берегите его отъ побоевъ и убійства. Они именно это и обѣщали архіерею: «одинъ на другомъ поляжемъ, а своему попу не допустимъ сдѣлать никакой кривды.» Поэтому на ихъ увѣренія архіерей и велѣлъ написать мнѣ указъ, который здѣсь; за симъ указомъ я и пріѣхалъ въ Завадовку съ тѣми же людьми. Мнѣ дали помѣщеніе у ктитора тамошняго Ивана Василенка. Сидѣлъ я тамъ въ одиночествѣ отъ Пилиповки (15 ноября) до Стрітення съ 1766 на 1768 годъ, и хотя къ отправленію благочестиваго богослуженія ксендзъ Талинковскій въ церковь не допускалъ, однакожъ я въ это время уже крестилъ дѣтей и погребалъ мертвыхъ, освящалъ въ своемъ помѣщеніи воду и изъ квартиры же своей выходилъ со всею громадою на іордань. Такъ продолжалось до Стрітення (2 февраля).

Талинк. Въ это время таже самая громада хотѣла опять насильно отобрать ключи церковные, но не мог-

ши получить ихъ отъ отца, вытащила его, влача по землѣ въ церковную ограду и отобрала.

О. Старж. При этомъ меня не было въ Завадовкѣ; я ѣздилъ къ тестю своему. Только съ этого времени я держалъ церковь при благочестіи до взятія меня подъ караулъ.

Судья. Самая ясная очевидность показываетъ, что вы вмѣстѣ съ вашимъ хлѣбомъ и живой подарокъ приносили въ жертву Зализняка, то есть, Василія Талинковскаго, за которымъ вы шли какъ самъ говоришь.

Старж. Намъ рѣшительно не было никакого дѣла до Василья Талинковскаго, отправленняго гайдамаками. Мы шли сами по себѣ, и только что за возомъ, на которомъ былъ онъ; а шли мы по требованію самого же Зализняка, для поклона ему, такъ какъ онъ желалъ этого и требовалъ отъ селъ по всей Украинѣ; и еслибы которое село этого не дѣлало, то его онъ позволялъ грабить и бить на смерть. А потому и мы должны были показать ему расположенность нашу, по примѣру другихъ селъ.

Судья. Зачѣмъ же показывали эту расположенность одному негодному человѣку, бродягѣ (hultajowi), разнузданному на жестокости, разорителю польскихъ границъ? Это пограничье никогда не было бы въ такихъ *гультайствахъ*, еслибы не ваши *куницы*, хитрость и злоба, введеніе вами самими по селамъ благочестія, которое ты принялъ вмѣстѣ съ другими уніатскими священниками.

Старж. Это пошло не отъ насъ священниковъ и не съ меня одного, но изъ сельскихъ громадъ-прихожанъ, которые сами добивались этого, и дарили свою приверженность поднявшему возмущеніе Зализняку; а

священниковъ громады принуждали къ тому же, по этому и я *долженъ* былъ поступить такимъ же образомъ, то есть, принужденъ былъ вмѣстѣ съ войтомъ своего прихода и старостою церковнымъ отправиться на поклонъ къ Зализняку въ Корсунь, но не за Васильемъ Талинковскимъ котораго гайдамаки сами сопровождали до села Карашинки.

Сем. Талинк. Не бывши самъ очевидцемъ того, я не могу дать обстоятельнаго засвидѣтельствованія. Я только то еще слышалъ отъ людей, что когда вышеозначенные Завадовскіе громадяне вмѣстѣ съ попомъ Старжевскимъ привезли отца моего съ братомъ въ Корсунь, прежде всего, не допустивъ брата къ Зализняку, предъ замковыми воротами ранили его на смерть списами и выстрѣлами и еще живого повѣсили на частоколѣ или на полисадахъ, а потомъ стрѣляли въ повѣшеннаго, и не переставали стрѣлять даже послѣ того, какъ онъ испустилъ духъ. Отца же моего тѣже самые люди привели къ предводителю Зализняку и поставили предъ нимъ. Когда представили его, Зализнякъ, увидя отца моего въ дрянномъ платьѣ, безъ шапки, спросилъ Завадовцевъ: что вы за человѣка привели? Громадяне отвѣчали Зализняку, что это тотъ уніатъ. Потомъ самъ Зализнякъ спросилъ отца моего: чи ты уніатъ? Отецъ мой отвѣчалъ, что онъ уніатъ, и вслѣдъ за этимъ словомъ Зализнякъ ударилъ отца моего по головѣ *келепомъ*, иначе обухомъ такъ, что сбилъ ему черепъ съ головы. Отецъ мой упалъ на колѣни и, увидя тамъ стоявшаго о. Старжевскаго, просилъ исповѣди. Но о. Старжевскій отвѣчалъ, что онъ исповѣди уніатовъ не слушалъ и не станетъ слушать. Потомъ отца моего, вслѣдъ за убійствомъ, начатымъ гайдамацкимъ предводителемъ, схвати-

ли другіе гайдамаки и бросили на *дѣдинцѣ* въ яму или погребъ и задали ему смерть выстрѣлами и колотьемъ списами.

Старж. Убіеніе отца твоего происходило совершенно не такъ. Когда мы пріѣхали въ Корсунь съ громадянами, братъ твой уже былъ убитъ и трупъ его лежалъ на крыльцѣ дворцовомъ. Отца твоего громада не приводила къ Зализняку, потому что когда мы соединились въ Корсунѣ съ громадою Завадовского, отца твоего тамъ не было, я не знаю куда, онъ исчезъ отъ громады, ибо я пріѣхалъ послѣ и мы съ громадою явились къ Зализняку прежде, а потомъ уже неизвѣстно откуда ксендзъ Талинковскій явился къ Зализняку съ хлѣбомъ въ рукахъ. Не знаю также, гдѣ онъ досталъ тотъ хлѣбъ. Подалъ Зализняку хлѣбъ съ поклономъ, а Зализнякъ спросилъ: кто ты такой? Ксендзъ Талинковскій отвѣчалъ: я попъ уніатъ. Вслѣдствіе того Зализнякъ крикнулъ козакамъ своимъ. «возьмите этого уніата на хозяйство!» Я не понялъ значенія этихъ словъ, только видѣлъ, что ксендза схватили, посадили въ погребъ и тамъ застрѣлили, но списами его не кололи.

Судья. Однакожъ Зализнякъ прежде всего ударилъ ксендза обухомъ по головѣ, а потомъ велѣлъ его козакомъ убить?

Старж. Я не видѣлъ, чтобы Зализнякъ ударилъ его обухомъ.

Судья. Какъ же ты не видѣлъ удара обухомъ, когда вслѣдъ за этимъ ударомъ ксендзъ Талинковскій просилъ у тебя исповѣди и ты не захотѣлъ слушать его исповѣди?

О. Старж. Я рѣшительно не видалъ, чтобы кто ударилъ ксендза Талинковскаго обухомъ, и ксендзъ ни о

какой исповѣди мнѣ не говорилъ, да не было въ томъ и надобности. Никто на меня не докажетъ, чтобы я учинилъ такое преступленіе противъ Бога. Хоть я теперь и благочестивый или православный, однакожъ и самъ былъ уніатомъ, и знаю свои обязанности въ такомъ случаѣ, еслибы ксендзъ Талинковскій требовалъ исповѣди.

Обвинитель и обвиняемый больше контроверсій или препирательствъ между собою предъ судомъ не имѣли, и согласились оба на томъ, чтобы всѣ участвовавшіе въ преступленіи, то есть какъ бравшіе, такъ и отправлявшіе отца и сына Талинковскихъ были представлены въ судъ. Тогда ихъ показаніями можетъ быть выяснена справедливость какъ на той, такъ и на другой сторонѣ.

Такими словами оканчивается протоколъ военнаго суда при штабѣ польскаго войска въ Трояновѣ, въ которомъ судилъ православныхъ священниковъ эскадронный командиръ Дрогаевскій. Другихъ документовъ по этому дѣлу съ сборникѣ нѣтъ, и о дальнѣйшей судьбѣ свящ. Старжевскаго свѣдѣній подъ рукою не имѣется. Можетъ быть, онъ умеръ подсудимымъ (какъ отмѣчено въ протоколахъ о множествѣ другихъ арестованныхъ) въ скверныхъ Трояновскихъ или Коденскихъ ямахъ, замѣнявшихъ тогда вездѣ тюремныя помѣщенія. Смерти могли способствовать и пытки, которыя еще свирѣпствовали во всемъ ужасѣ въ рѣчи посполитой, когда онѣ давно уже отмѣнены были въ Россіи, вмѣстѣ со смертною казнью, Екатериною II,—въ то время уже прославленнымъ авторомъ знаменитаго наказа (1768 г.), котораго въ семъ году слѣдуетъ праздновать столѣтнюю годовщину.

М. Щ—овъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

— *Церковь и училище славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія въ г. Острогѣ, волын. губерніи.* Въ газетѣ *Москва* сообщаютъ, что церковь братская, во имя св. Кирилла и Меѳодія, освящена 8-го октября 1867 г. Это первая въ Россіи церковь во имя святыхъ просвѣтителей нашихъ. Зданіе братское вчернѣ окончено, но еще только на половину отдѣлано внутри, и многія комнаты слишкомъ сыры чтобы жить въ нихъ.

Въ училищѣ преподаваніе началось съ перваго сентября. Кромѣ приходящихъ дѣтей городскихъ жителей, многіе родители пожелали прислать дочерей своихъ на воспитаніе въ училище гр. Блудова, изъ острожскаго и сосѣднихъ уѣздовъ. Между тѣмъ помѣщенія въ братскомъ зданіи оказывается на весьма малое число живущихъ ученицъ. Это обстоятельство заставило братство искать вѣрную и почтенную русскую пансіоно-содержательницу для помѣщенія у нея дѣвицъ, приходящихъ брать уроки въ училище, но живущихъ въ пансіонѣ. Удалось найдти достойную всякаго уваженія и довѣрія особу, вдову учителя, г-жу Гиревскую, которая и открыла пансіонъ, находящійся подъ прямымъ надзоромъ братства, въ домѣ, нанимаемомъ ею у братства, которое съ своей стороны законтрактовало его у домовладѣльца на 7 лѣтъ. Этотъ

домъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ братскаго зданія, на братской землѣ. 15 дѣвицъ, живущія тутъ, платятъ г-жѣ Гиревской 75 р. въ годъ за содержаніе и 5 руб. въ годъ за уроки въ училище гр. Блудова, куда ходятъ на тѣхъ же правахъ, какъ городскія приходящія ученицы. Въ самомъ же училищѣ жувущихъ 12 дѣтей, которыя платятъ 100 руб. въ годъ, и одна Царская воспитанница—на проценты капитала, внесеннаго Викторомъ Аѳанасьевичемъ Абазой, въ память спасенія жизни Государя 25 мая въ Парижѣ, и двѣ воспитанницы графа Шереметьева; одна воспитывается братствомъ, за остальныхъ платятъ родители».

Намъ кажется, что подобнымъ же образомъ можно бы учредить пансіоны или общія квартиры и въ кіев. епархіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ духовенство найдетъ возможнымъ и удобнымъ открыть жен. духовное училище, т. е. пусть окружное духовенство устроитъ домъ съ классными комнатами, приметъ на себя обзаведеніе училища съ содержаніемъ преподавателей и попеченіе о немъ, а содержаніе общей для воспитанницъ квартиры, по примѣру острожскаго братства, ввѣритъ избранной общимъ согласіемъ дамѣ русской и православной, способной дать дѣтямъ доброе воспитаніе, за опредѣленную плату, не превышающую средствъ духовенства.

— *Значеніе музыки въ образованіи священно и церковнослужительскихъ дочерей.* Доброе вліяніе музыки на развитіе вкуса и вообще эстетической стороны человѣка извѣстно всѣмъ. Но кромѣ этого, музыка въ образованіи

дѣвицъ дух. званія не только можетъ быть средствомъ пріятнаго провожденія времени: она можетъ вліять на улучшеніе церковнаго пѣнія, находящагося далеко не въ благолѣпномъ состояніи по деревенскимъ церквамъ. И сказать правду, что въ семинаріяхъ и училищахъ, откуда выходятъ пѣвцы сельскихъ церквей, на эту важную статью мало обращалось вниманія. Находятся еще при монастыряхъ небольшіе питомники этихъ пѣвцовъ, но объ искуствѣ пѣнія ихъ нельзя сказать многаго.

Воспитанницъ учатъ пѣть; пѣніе вмѣстѣ съ музыкой образуетъ хорошій музыкальный вкусъ. Если священникомъ будетъ человѣкъ, знающій церковное пѣніе и интересующійся имъ при женѣ-музыкантшѣ, онъ будетъ лучшимъ знатокомъ по части пѣнія. Но будь даже священникъ и незнающій, жена, владѣющая музыкальнымъ образованіемъ, выучитъ его пѣть, или по крайней мѣрѣ настолько разовьетъ ему слухъ, что уху его будетъ непріятно нестройное клиросное пѣніе и онъ возъимѣетъ желаніе уставить его въ болѣе стройномъ видѣ.

(Мин. Еп. Вѣд.).

Что касается кіевской епархіи, то на недостатокъ любви къ музыкѣ между дочерьми священниковъ жаловаться нельзя; доказательствомъ этому служитъ то, что изъ 157 воспитанницъ кіевскаго училища 47 обучаются музыкѣ на собственныя средства родителей. Конечно, могло бы обучаться и болѣе, если бы тому не препятствовалъ недостатокъ средствъ по сиротству или бѣдности. Пожелаемъ только, чтобы знаніе музыки и у насъ имѣло доброе вліяніе на улучшеніе церковнаго пѣнія.

— *Выборное начало въ приложеніи къ консисторіи*. Не одно уже заявленіе напечатано, даже въ теченіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ, противъ консисторій и порядковъ консисторскихъ. Мы не имѣемъ достаточнаго основанія доказывать, чтобы во вл. консисторіи получалось менѣе 40 т. (хотя, по правдѣ сказать, фактъ этотъ крайне сомнителенъ; можетъ быть, почтенныя особы, писатели статей, считаютъ все то за консисторіями, что принимается отъ нихъ другими якобы на имя консисторій, что однакожъ и остается по большей части у самихъ пріемщиковъ); это всего лучше можетъ объяснить какое либо лицо изъ той же епархіи; но насъ дѣйствительно, нѣкоторымъ образомъ, изумляетъ, не ужели и на самомъ дѣлѣ во вл. епархіи всѣ причты сами лично представляютъ въ консисторію метрики и духовныя росписи, не смотря ни на какую отдаленность селъ отъ губернскаго города? Если это такъ, то конечно есть на что сѣтовать и есть чѣмъ огорчаться, особенно отдаленныхъ селъ причтамъ! Не говоря о расходахъ на консисторіи, которые у исправнаго причта, пожалуй, могутъ и совсѣмъ не быть или же могутъ быть копѣечные, что стоютъ одни проѣзды? И это только для того, чтобы доставить книгу въ консисторію!—Наши причты, благодаря Бога, не знаютъ этой тяжкой проволочки, а потому и прочитываютъ статейки съ жалобою на обстоятельства такого рода, удобь устранимыя, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, приговаривая: нѣтъ, у насъ не такъ!

Впрочемъ цѣль моей замѣтки не та, чтобы печатно объяснить что у насъ иначе, или что подачу метрикъ и вѣдомостей можно дѣлать на мѣстахъ, безъ обремени-

тельныхъ поѣздокъ въ губернскій городъ, а я желалъ бы сказать нѣсколько словъ о должности члена консисторіи.

Харьковскому духовенству желательно, что бы члены сіи избирались самимъ духовенствомъ. То же желаніе у вл. духовенства. Отъ лица членовъ, по крайней мѣрѣ мѣстной консисторіи, могу заявить, что и у насъ членовъ тоже желаніе. Духовенство заявляетъ, что для него тяжела консисторія; а если бы знало духовенство, какъ для насъ тяжела таже самая консисторія съ ея вѣчно спѣшными, безотлагательными дѣлами, нерѣдко до послѣдней степени безобразными и грязными, съ людьми, являющимися въ нее, съ укорами, упреками, клеветами, обидами личными и бумажными! Просите, просите, отцы, начало выборное и для членовъ консисторіи,—тѣмъ самымъ вы многихъ изведете въ отраду, на свѣтъ Божій. Непрестанно возясь съ дѣлами консисторскими, мы, дѣйствительно, теряемъ и отъ своихъ и отъ чужихъ уваженіе. Отъ своихъ—потому, что рѣшенія наши не всегда и не всѣмъ приходятся по вкусу; отъ чужихъ, т. е. отъ гражданъ, потому, что не имѣемъ возможности по недостатку времени оказывать вниманія тѣмъ, которые желали бы пользоваться имъ. Первое благо выборнаго начала есть то, что люди поступятъ къ дѣлу свѣжіе, и слѣдовательно такіе, которые съ живостію, съ охотою займутся работою, которая намъ уже крайне принаскучила; второе благо—люди сіи будутъ облюбованные представители мѣстнаго духовенства и его интересовъ, слѣд. они могутъ надѣяться на расположеніе къ себѣ духовенства, и взаимно духовенство будетъ питать къ нимъ

уваженіе и довѣрять имъ; третье благо—каждая епархія будетъ имѣть болѣе дѣльцевъ, людей, свѣдущихъ въ законахъ, практикованныхъ, въ каковыхъ людяхъ нынѣ замѣчается немалая скудость. Конечно, эти лица не должны уже безмездно трудиться, такъ какъ они могутъ быть вызваны изъ уѣздныхъ городовъ и селъ, и содержаніе ихъ въ губернскомъ городѣ потребуетъ отъ нихъ порядочныхъ расходовъ, которые, естественно, обязано принять на себя духовенство. Да, еслибы выборъ духовенства палъ и на жителя городскаго, то едва ли бы справедливо было отказать ему въ приличномъ вознагражденіи. Въ земскихъ собраніяхъ члены—крестьяне получаютъ по тысячѣ и болѣе руб. сер. за должность; у члена консисторіи, на вѣрное можно сказать, наберется работы поболѣе каждаго члена управы-крестьянина. Само собою очевидно, что коль скоро члены консисторіи будутъ только къ этому одному дѣлу приставлены, то ихъ можетъ быть и не свыше трехъ или четырехъ человѣкъ; для разсужденій же въ особенно-важныхъ случаяхъ при консисторіи могутъ состоять безмездно почетные члены изъ градскаго духовенства, которые и могутъ быть приглашаемы разъ или два въ мѣсяцъ въ присутствіе консисторіи для участія въ сужденіи по особенно важнымъ дѣламъ. *(Соврем. Листокъ).*

Замѣтку эту дѣлаетъ самарскій каѳедр. протоіерей о. Іоаннъ Халколивановъ. Соглашаясь во многомъ съ

авторомъ замѣтки, который, по всей вѣроятности, и самъ состоитъ въ званіи члена консисторіи, мы однакожъ не можемъ не видѣть нѣкоторой односторонности въ его мнѣніи. Консисторія имѣетъ отношеніе не только къ подвѣдомому ей духовенству, но и къ поставленному надъ ней высшему церковному правительству и его ближайшему представителю епархіальному архіерею; она не только духовно-судебное мѣсто для духовенства извѣстной епархіи, но и административное учрежденіе, чрезъ которое архіерей дѣйствуетъ на свою паству; члены консисторіи суть ближайшіе органы епархіальнаго начальника, которые должны имѣть въ виду не только кажущееся благо духовенства, но и благо Церкви Христовой, при точномъ исполненіи постановленій начальства, заботиться не столько о расположеніи къ себѣ духовенства, сколько о выполненіи своего долга по указанію Архипастыря и требованію закона, не тревожась и не стѣсняясь тѣмъ, придутся ли ихъ рѣшенія и дѣйствія по вкусу нѣкоторыхъ лицъ. Итакъ, намъ кажется, выборъ членовъ консисторіи не можетъ быть ввѣренъ только одному духовенству ей подвѣдомому; составъ членовъ ея долженъ опредѣляться не только голосомъ духовенства, но и преимущественно усмотрѣніемъ епархіальнаго архіерея, и потому Консисторія, какъ административно-судебное учрежденіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ состоять изъ однихъ выборныхъ членовъ, но должна имѣть въ себѣ и членовъ непре-

мѣнныхъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію духовнаго правительства; да и самая непрерывность дѣлопроизводства не дозволяетъ, чтобы смѣнялся вдругъ весь составъ консисторіи и вполнѣ, въ извѣстные сроки, формировался изъ людей малоопытныхъ въ дѣлопроизводствѣ. Административно-судебныя учрежденія не состоятъ изъ однихъ выборныхъ членовъ даже и въ конституціонныхъ государствахъ при самомъ широкомъ развитіи выборнаго начала, но всегда въ своемъ составѣ имѣютъ, кромѣ представителей народа или депутатовъ, и блюстителей правительственныхъ интересовъ, опредѣляемыхъ усмотрѣніемъ правительства. Что касается жалобъ на поборы консисторій, то они не согласуются ни съ видимою бѣдностію канцелярскихъ чиновниковъ, которыхъ иногда не начто похоронить, ни съ газетными извѣстіями о томъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ бросаются отъ гнетущей бѣдности съ мосту въ воду. Къ счастію у насъ также, какъ и въ самарской епархіи, не было ни подобныхъ жалобъ на взяточничество, ни подобныхъ случаевъ крайней бѣдности, благодаря мудрой и отеческой попечительности нашихъ архипастырей; честности же и безкорыстія самихъ членовъ нашей консисторіи, слава Богу, еще никто не имѣлъ причинъ заподозрить. Впрочемъ, не принадлежа къ особеннымъ защитникамъ донынѣшнихъ порядковъ, не скажемъ, чтобы Уставъ консисторій не оставлялъ желать ничего лучшаго, и полагаемъ, что вся суть не столько въ людяхъ, сколько въ добрыхъ мѣстныхъ порядкахъ, и что добрые порядки упорядочиваютъ и самихъ людей при мудрой высшей епархіальной администраціи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ канцеляріи его высокопреосвященства, высокопреосвященнѣйшаго Макарія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго, продаются слѣдующія его сочиненія:

1. Введеніе въ православное богословіе. Изданіе третье, 1863 года. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

2. Православно-догматическое богословіе. Т. I и II. Изданіе третье, 1868 года. Цѣна 6 руб. съ пересылкою.

3. Исторія христіанства въ Россіи до равно-апостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію Русской церкви. Второе исправленное изданіе 1868 г. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

4. Исторія русской церкви. Т. I, II и III. Второе исправленное изданіе 1868 г. Цѣна 5 р. съ пересылкою а т. IV и V изданіе 1866 г. Цѣна 4 руб. съ пересылкою.

5. Слова и рѣчи. Т. I-й и II-й. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Печ. доз. 12 іюня Кіевъ, 1868 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

(Аренд. С. Кульженко и В. Давиденко).